

История археологических исследований и основные проблемы изучения каменного века на острове Сахалин

© *А.А. Василевский*

История археологического изучения острова Сахалин обычно подразделяется исследователями на три периода: российский (1867-1905 гг.), японский (1905-1945 гг.) и советский (1945-1980-е гг.) Эти этапы выделены в соответствии с важнейшими политическими событиями, которые произошли на Сахалине в начале и середине XX столетия. В русле такой периодизации логично назвать вслед за советским, следующий – интернациональный этап в изучении археологии Сахалина, который приходится на последнее десятилетие XX – начало XXI в.

В данной работе предлагается иная периодизация, основанная не столько на событиях отечественной истории, сколько на критерии качественного состояния науки. В соответствии с ней, в истории археологического изучения о-ва Сахалин выделяются: ознакомительный (1860-е – 1920-е гг.) период; этап сбора фактического материала и формирования первых гипотез и классификационных схем (1930-е – 1960-е гг.); этап формирования концептуальной, методологической основы современной науки и дальнейшего расширения ее фактологической базы (1970-е - 2000-е гг.). На наш взгляд, такая схема позволяет увидеть общие для России и Японии черты и проблемы археологической науки.

Археологические исследования о-ва Сахалин рассматриваются в тесной связи с историей археологического изучения его ближайших соседей – островов Хоккайдо, Хонсю и Курильских, в силу общности исторической судьбы этих территорий.

1. Археологические исследования в 1860-е – 1920-е гг.

Археологические исследования на Дальнем Востоке России и в Японии начались во второй половине XIX в. На Сахалине самые первые археологические коллекции были собраны русскими военными в ходе любительского изучения отдельных археологических объектов в 1860-х гг., в том числе Александровского городища и поселения Найбучи. Среди них Зиновий Михайлович Белкин - топограф, сотник Забайкальского казачьего округа, посланный на остров Сибирским военно-топографическим отделом в 1865 г. и Николай Александрович Гарезин - прапорщик, служивший в 1860-х гг. в Найбучинском и Муравьевском постах.

В 1867 - 1868 гг. во время командировки на Сахалин Иннокентий Александрович Лопатин - горный инженер, действительный член Русского Географического и Минералогического обществ сделал подъемные сборы в нескольких пунктах средней и южной частей острова: в поселении Найбучи на оз. Лебязьем, у поста Мануй на оз. Тарайке и в Александровске-Сахалинском. Отчет И.А. Лопатина хранится в архиве Санкт-Петербургского отделения ИА РАН.

В те же годы на Сахалине путешествует будущий губернатор о-ва Хоккайдо, краевед, этнограф, любитель древностей Мацуура Такесиро. Он ведет дневник, делает зарисовки местности, описывает жизнь айнов и древние стойбища их предшественников. Среди его заметок описаны крепость Магунтан и ряд памятников археологии побережья Охотского моря.

В 1876 г. началось археологическое изучение Курильских о-вов. Остров Итуруп посетил известный английский натуралист Томас Р. Блакистон, а вскоре и сейсмолог Джон Милн. Они обнаружили несколько древних поселений с жилищными западинами. В 1888 г. проводятся археологические раскопки о-ва Хоккайдо. Первой исследуется раковинная куча Моёро - ныне один из самых известных памятников охотской культуры.

Затем были открыты памятники эпохи неолита, подобные тем, которые к тому времени изучались на о-ве Хонсю. Материалы позволили выделить культуру, получившую в Японии название Дземон по характерному орнаменту на неолитической керамике: “дзё” - веревка, “мон” - оттиск. С тех пор эпоха неолита в Японии называется “периодом веревочных оттисков”. Археология каменного века Курильских о-вов и Хоккайдо развивалась в русле концепции островной культуры Дземон, которая распространялась на обширной территории от Камчатки до Формозы.

В 1882 г. профессиональный археолог и зоолог Иван Семенович Поляков по заданию Русского Географического общества обследовал несколько древних памятников Сахалина. Среди находок, переданных им в Музей антропологии и этнографии, особый интерес представляют симптоматичные артефакты из окрестностей поста Александровского: “концевой скребок высокой формы, пластины из серого кремня, одна из которых обработана односторонней краевой ретушью с дорсальной стороны; небольшое теслецо... удлинено подтрапециевидной формы, трапециевидное в сечении, обработано оббивкой по краю и шлифовкой части поверхности и лезвия...” Сахалинские артефакты хранятся вместе с собранными им коллекциями из Костенок. Описанные выше изделия типичны для раннего неолита на Сахалине. Их возраст оценивается примерно 9 - 8 тыс. л. И.С. Поляков – опытный специалист, открывший палеолит Среднерусской равнины, не ошибся, отнеся находки к каменному веку.

Ссылный революционер Лев Яковлевич Штернберг многие годы изучал древности Сахалина и Японии. Несмотря на то, что в большей степени исследователя интересовали проблемы этнографии коренных народов, в его трудах содержатся описания и оценка археологических феноменов. В 1894 г. ученый обнаружил артефакты в северных районах острова близ нивхских селений Танги, Виахту, Тамл-во, Кеф-во, Виск-во, Ныур-во, Помр-во, а также на о-ве Ур-миф, на косе Помрь и у поста

Александровского. Часть этих находок с того времени хранится в фондах МАЭ.

Другой ссыльный революционер, брат первого польского президента Ю.О. Пилсудского и соратник революционера Александра Ильича Ульянова – Бронислав Осипович Пилсудский, в самом начале XX века исследовал целый ряд памятников археологии на берегах заливов Анива и Терпения, а также в долине р. Тымь. Тогда же он провел первые раскопки у с. Серароко. Изучая сахалинские древности, Б.О. Пилсудский искал подтверждения легендам айнов об их предшественниках - морских зверобоях тончах.

В данный период внимание исследователей Сахалина привлекали преимущественно памятники раннего железного века, эпохи средневековья и нового времени. Стоянки каменного века в период с 1867 по 1905 гг. на Сахалине почти не изучались, если не считать подъемных сборов в Тымовской долине и у поста Александровского. В то время как в Центральной России и Западной Сибири археология палеолита и неолита развивалась достаточно успешно, на острове ее состояние можно оценить как первоначальное ознакомление с памятниками археологии. Знаток археологии камня И.С. Поляков, провел на острове лишь общую разведку: Сахалин был одним из пунктов его длительного научного путешествия по Сибири и Дальнему Востоку.

Вместе с тем академические круги России, Русское Географическое общество интересовались Дальним Востоком. В столицах рождались проекты, планировались экспедиции. Документ “О разрешении доценту Георгию Гуть производства раскопок в Забайкальской, Амурской и Приморской областях и на Сахалине”, обнаруженный Н.В. Плотниковым в архиве ЛОИА РАН, содержит обоснование необходимости “приступить к исследованиям и скоро, и энергически, и систематически”. Осуществлению этих планов сначала мешали сложности сообщения с окраиной Российской

империи и недостаток средств. Затем началась русско-японская война 1904 - 1905 гг., завершившаяся подписанием Портсмутского договора, согласно которому, южная половина острова до 50-ой параллели отходила Японии.

И все же в итоге этих ознакомительных исследований были выявлены первые памятники археологии, получены археологические коллекции, опубликованы первые сведения об археологии Сахалина. Особое значение имеет оценка И.С. Поляковым находок из окрестностей поста Александровского как свидетельств эпохи каменного века. В первом организованном на острове музее, который создали Л.Я. Штернберг и Б.О. Пилсудский при поддержке русской интеллигенции в Александровске-Сахалинском, была выставлена весьма представительная по тем временам археологическая коллекция. К сожалению, в годы русско-японской войны музей сгорел, а следы коллекции были утеряны.

В 1900 г на Курильских островах побывал первый археолог с о-ва Хоккайдо Коно Цунэкити, который исследовал и стоянки древнего человека, и средневековые острожки айнов - часи. Коллекции, собранные Коно Цунэкити, которые включают и артефакты эпохи неолита, сегодня хранятся в музее г. Асахигава на о-ве Хоккайдо. На Курилах вплоть до 30-х гг. XX в. археологи вели в большей степени ознакомительные исследования.

В 1907 г. археологический отряд Токийского государственного университета во главе с профессором, академиком Императорской Академии Японии Цубои Сёгоро провел раскопки двух стоянок: в дер. Кайдзука (ныне Соловьевка) и в 2 км к северу от нее – в устье р. Сусуя. Затем последовало некоторое затишье, сменившееся оживлением, начавшимся после раскопок Сусуйской стоянки Киено Кендзи в 1924 г. Раскопки завершились сбором большой археологической и антропологической коллекции эпохи раннего железа. Исследования японских ученых на островных территориях в описываемый период все еще носили весьма общий характер и

ограничивались преимущественно подъемными сборами, шурфовкой, зачистками и небольшими разведочными раскопками. Работы Киено Кендзи вызвали интерес ученых Японии, но новый этап начинается несколько позже- в 1930-е гг.

2. История археологического исследования острова Сахалин в 30 - 60-х гг. XX в.

2.1. Изучение Южного Сахалина в 1930 – 1945 гг.

В 1930-е гг. японские ученые, преимущественно сотрудники высших учебных заведений страны: Рюдзо Тории, Киено Кендзи, Коно Хиромити, Кодама Кенити, Баба Осаму, Ока Масао, Ито Нобуо и др. проводили научные исследования в рамках комплексных государственных программ по изучению территории Хоккайдо - Курил - Сахалина.

В 1932 г ученый с о.Хоккайдо Коно Хиромити открывает многослойный памятник каменного века-средневековья- Отонаока-часи (Стародубское-3). В 1934 г краевед из г.Хонто (ныне г.Невельск) Кимура Синроку и молодой ученый из университета Тохоку (г. Сендай) Ито Нобуо начали изучение памятника среднего неолита- поселения Сони (Кузнецово- 3 и 4). Ито Нобуо, на основании изучения керамики и каменных орудий стоянки Сони выделил новый тип керамики и высказал мнение о том, что он гораздо древнее керамики сусуйского типа. Классификация археологической керамики, составленная и опубликованная Ито Нобуо в 1942 г, и поныне не потеряла своей актуальности, с некоторыми уточнениями её до сих пор используют археологи Сахалина и Хоккайдо.

В тот же период был сделан ряд находок, предвосхитивших успехи в изучении доисторического прошлого островного мира. Среди них ножевидные пластины из обсидиана, обнаруженные близ дер. Фукауми-Мерей (ныне пос. Пригородный Корсаковского р-на), которые относятся к

финалу палеолита или начальному этапу неолита. "Находки из Мереи сделаны из обсидиана с красно-коричневыми прожилками. Они относятся к категории орудий, изготовленных из красивого сырья. Они большого размера, поэтому относятся к особому типу, отличаясь от обычных и большими размерами и наличием рукояток. Материал - обсидиан, тот же, что и у скребков, которые, вероятно, изготавливались из таких ножевидных пластин. Обстоятельства находки неизвестны, известно лишь, что искали керамику, но не нашли, а обнаружили три пластины".

В 1930 – 1960-х гг. в Японии получила распространение концепция археологии островного региона. В ее основу легли представления о двух древних археологических культурах, одна из которых имела островной (южный), а другая - континентальный (северный) источник. Для Японии и Карафуто это была культура Дземон, для континента - сибирский неолит забайкальской традиции. В Северной Японии на смену Дземону приходит культура протоайнов Зоку Дземон (эпидземон), которая, в свою очередь, сменяется культурой Сацумон. Однако целый ряд прибрежных памятников Северного и Восточного Хоккайдо, а также Курильского архипелага и Южного Сахалина, отнесенных по находкам мечей с папоротниковидной рукоятью к раннему средневековью (периоды Кофун – Хэйан), не мог быть связан ни с одной из известных культур мира южных островов архипелага. В этой связи в японской археологии в 1930 - 1950-е гг. складывается схема, согласно которой, на северных островах существовала охотская культура, близкая по ряду признаков протоайнским культурам общности Зоку Дземон (эпидземон) (III в. до н.э. – V - VI вв. н.э.) и айнским культурам Сацумон (VII - VIII вв. н.э.) и Найдзи (XIII - XVI вв.).

В ходе поиска аналогов древностям Центральной и Южной Японии японские археологи выявили северный ареал культурных традиций Дземон и Зоку Дземон на Хоккайдо и Курилах. Однако на Сахалине этого им сделать

не удалось, хотя на юге острова и были обнаружены отдельные фрагменты керамики с веревочными оттисками.

В конце 1920-х и в 1930-е гг. на о-ве Хоккайдо сельский учитель Тома Эйкичи обнаружил памятники позднего палеолита вблизи месторождений обсидиана. Но открытию не придали должного значения и находки Тома Э. в те годы остались незамеченными.

Изучение сахалинских древностей японскими исследователями продолжалось и после второй мировой войны. Публикация обобщающих работ в 1940-х - 1960-х гг. по островной археологии стала важным событием второго этапа археологических исследований Сахалина. В результате была создана достаточно целостная картина доисторического прошлого островного региона Японского и Охотского морей в треугольнике Сахалин – Хоккайдо - Курильские о-ва. Но каменный век Сахалина в тот период еще не был выделен японскими археологами. Это объясняется господствовавшей в японской археологии ориентацией на преимущественное изучение культуры эпохи средневековья и Нового времени. Свою роль сыграли провинциальное положение Карафутто (японское название Сахалина) в составе империи и события, связанные со второй мировой войной.

2.2. Изучение Северного Сахалина в 1930 – 1945 гг.

В период между Портсмутским договором 1905 г. и началом второй мировой войны в 1939 г. изучением стоянок на Северном Сахалине занимались сахалинские учителя-краеведы. Коллекция, собранная краеведами Аюян и Медведевым на Ногликской неолитической стоянке, была обещана Музею антропологии в Москве, но, очевидно, затерялась при пересылке, либо не была выслана вовсе. Рукопись Аюян, документирующая археологические исследования краеведов, в январе 1933 г. по рекомендации Комитета Севера была передана известному этнографу Александру Михайловичу Золотареву. Свои комментарии и краткое резюме рукописи

ученый опубликовал в 1936 г. в журнале “Советская археология”. Из этой статьи известно, что краеведы измеряли площадь поселения, составляли планы стоянок, подсчитывали и обмеряли западины жилищ, описывали чередование слоев в раскопах, устройство жилищ и раскопы.

Некоторое оживление, наметившееся в 1930-х гг. в изучении Сахалина, Курил, Хоккайдо, а также советского Дальнего Востока, было обусловлено общей активизацией исследовательской деятельности научных учреждений и Японии, и СССР в регионе Японского и Охотского морей. А.М. Золотарев писал в журнале “Советская археология”: “В начинающемся в широком размере научном освоении ДВК, публикация даже сырых материалов об археологических памятниках окажет серьезную помощь археологам, ввиду чего я решился опубликовать описание Ногликовской стоянки”.

В том же номере журнала в разделе “Археологические хроники” была опубликована программная статья А.П. Окладникова “К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре”, в которой говорится о том, что: “первоочередной задачей для данного момента являются выявление и учет, общая предварительная классификация памятников, начиная с древнейших и кончая памятниками ближайшего к нам времени, а на этой точной основе должно быть поставлено изучение определенных комплексов погребений, поселений, укреплений, петроглифов... Эти археологические исследования в комплексной увязке с этнографическими являются настоятельной необходимостью: их значение... отмечено было руководством Института антропологии и этнографии АН СССР для осуществления намеченного на ближайшие годы систематического изучения народов и племенных групп Сибири, крайнего Севера и советского Дальнего Востока... Работы по выяснению исторического прошлого областей, лежащих по Амуре, основанные на изучении вещественных памятников... вошли в текущем году в план больших экспедиционных работ Института антропологии, археологии

и этнографии АН СССР по изучению народов Сибири, получают небывалый размах и обещают богатые научные результаты”.

В конце 1930-х гг. на Дальнем Востоке начались локальные военные конфликты, а затем и Вторая мировая война. Эти события прервали изучение археологии Сахалина.

Разрозненность опорных археологических источников Дальнего Востока России определяла подход к исследованию территорий, который заключался в постановке максимально широких задач, не ниже регионального уровня. Частные вопросы изучения островных древностей не входили в разряд первоочередных ни в академических кругах СССР, ни Японии. И именно поэтому вплоть до формирования местных школ во второй половине XX в. исследования центральных научных учреждений и на о-ве Сахалин, и на о-ве Хоккайдо ограничивались эпизодическими выездами ученых. Получаемая информация на какое-то время закрывала региональную лакуну в общей картине. К островам по-прежнему относились как к экзотике и в отечественной, и в японской археологии. Археология островного мира на тот период еще не являлась предметом отдельной крупной государственной программы ни в СССР, ни в Японии. Сахалин и Курилы оставались на периферии развития археологической науки.

2.3. Археологическое изучение Сахалина в 1945 – 1960 гг.

Исследования Дальневосточной экспедиции АН СССР на островах после второй мировой войны ознаменовались разработкой и реализацией первой отечественной академической программы изучения островных древностей. К началу 50-х гг. XX в. для советских археологов Сахалин оставался во многом “terra incognita”. Результаты японских коллег были опубликованы частично, и в СССР не получили широкой известности. Круг информации о Южном Сахалине и Курилах ограничивался диссертацией М.В. Воробьева “Каменный век Японского моря” и коллекциями Кимура

Синроку, хранящимися в краеведческом музее в Южно-Сахалинске со времен губернаторства Курафуто.

В 1954 г. по заданию руководителя Дальневосточной экспедиции ЛОИА АН СССР А.П. Окладникова на Сахалин была командирована Римма Васильевна Чубарова (Козырева). Довоенные замыслы А.П. Окладникова о систематическом изучении Дальнего Востока стали воплощаться именно в тот период. В результате двухлетнего напряженного труда Р.В. Козырева написала кандидатскую диссертацию на тему “Древняя история Сахалина (по археологическим данным)”. Она стала первой отечественной обобщающей работой по археологии Сахалина, основанной на материалах собственных археологических исследований. Также впервые для сахалинской археологии, в своих исследованиях она использует результаты трасологического анализа каменных орудий эпохи неолита.

Концепция, разработанная Р.В. Козыревой, в общих чертах такова. Сахалин был заселен во II тыс. до н.э. На севере острова стали обитать выходцы из Приамурья, а на юге – мигранты из Приморья. В соответствии с этим, ученая впервые выделяет на острове две неолитические культуры - Северного и Южного Сахалина. В I тыс. до н.э. легендарные тончи создали прибрежную культуру “раковинных куч”. Эти культуры развивались своим путем, отличным от того, который прошли общности Японских о-вов, и имели связи с прибрежными культурами континента. Вместе с тем прослеживались “подосновы формирования” культур Сахалина и Японии.

Исследования Р.В. Козыревой на Сахалине в 1954 - 1957 гг. носили пионерный характер, они заложили основу современной сахалинской археологической школы. Высоким профессионализмом и концептуальностью отличается ее итоговая монография "Древний Сахалин". Однако Р.В. Козырева недооценила опубликованные к началу 1960-х гг. результаты исследований японских ученых на Сахалине. Особенно спорным оказался ее

тезис о заселении Сахалина во II тыс. до н.э. в то время как уже были широко известны достижения японских, корейских и китайских археологов в области изучения палеолита и неолита. Это можно объяснить несистематическим характером и незавершенностью исследований на Сахалине в те годы. Несмотря на успешное начало исследований Р.В. Козыревой в 1950-х гг. Академия наук СССР не имела возможности продолжать целенаправленные исследования на островах вплоть до середины 1960-х гг.

Огромную помощь Р.В. Козыревой оказывали Сахалинские краеведы - В.И. Шалимов, Л.С. Кочкин и другие. Разведки в отдаленных районах области и раскопки Ногликской, Сусуйской и Стародубской стоянок проводились при их активном участии.

В конце 1940-х и в начале 1950-х гг. на Сахалине работал московский этнограф и археолог Борис Александрович Жеребцов. Основным предметом его исследований была археология и этнография айнов. Ученый обработал и сохранил японский археологический коллекционный фонд в краеведческом музее.

В 1950-х гг. Ленина Степановна Грибанова - еще один представитель московской школы, археолог, доцент кафедры истории Южно-Сахалинского педагогического института впервые на острове организовала археологическую практику студентов-историков.

Однако идеологическое давление и сложная политическая обстановка в пограничной Сахалинской обл. в те годы препятствовали деятельности ученых – сотрудников краеведческого музея, педагогического института и НИИ. Во многом этим объясняется тот факт, что в 1950-х гг. отсутствовали публикации археологов-краеведов.

В 1963 - 1965 гг. сотрудник Сахалинского областного краеведческого музея, археолог ленинградской школы Валентина Васильевна Вязовская

открывает микропластинчатый комплекс на стоянке Имчин-1 вблизи пос. Ноглики. В.В. Вязовская высказала идею о том, что памятник принадлежит стадии раннего неолита. Таким образом, временные границы древней истории острова были отодвинуты сразу же на несколько тысяч лет. Это породило у археологов надежду на открытие на Сахалине палеолита.

В 1960-е гг. на Сахалине начал свою успешную научную карьеру Валерий Александрович Голубев - выпускник Томского государственного университета, преподаватель Южно-Сахалинского государственного педагогического института. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. организованный им на историческом факультете Южно-Сахалинского государственного педагогического института (ЮСГПИ) археологический кружок постепенно становится центром активных полевых исследований.

Важнейшим событием для островной науки того времени стал приезд в 1965 г. начальника Дальневосточной экспедиции, директора Института истории, филологии, философии СО РАН, академика А.П. Окладникова и его учеников и соратников – А.П. Деревянко и Р.С. Васильевского. Исследователи провели реконструкционные работы на Сахалине и Курилах. А.П. Окладников сформулировал ряд идей о роли островов в бассейнах Охотского и Японского морей в генезисе древних культур Дальнего Востока.

3. Археологическое изучение острова Сахалин в 1970-е – 2000-е гг.

В 1970 – 1980 гг. В.А. Голубев выделяет южно-курильскую неолитическую культуру, разрабатывает схему первоначального заселения Курильских о-ов и Сахалина, высказывает ряд идей о генезисе охотской и южно-сахалинской неолитической культур, составляет первую в СССР сводку памятников археологии Сахалинской обл.

В 1974 г студент ЮСГПИ В.И.Зайцев ознакомил В.А.Голубева с собранной им в течение нескольких лет коллекцией артефактов на неизвестной ранее стоянке Сокол. Проанализировав коллекцию, В.А. Голубев выделяет в ней артефакты эпохи палеолита.

В начале 1970-х гг. Р.С. Васильевский в результате полевых исследований и изучения коллекций, собранных на островах, подошел к новому видению проблем древнего прошлого островного края в контексте северотихоокеанской археологии. Ученый широко использует в своих построениях данные, опубликованные к тому времени коллегами из Японии и США. Очевидна приоритетная роль этого ученого в формировании современных представлений по проблемам заселения региона в эпоху позднего палеолита.

Вместе с Р.С. Васильевским в составе Амуро-Сахалинского отряда Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР работает Валерий Орионович Шубин. Этот ученый сумел организовать самые широкие по масштабу за всю предшествовавшую историю сахалинской археологии раскопки. Наиболее важными достижениями в археологии в 1970 - 1980-х гг., связанными с именем В.О. Шубина, стали открытие стоянки переходного периода и раннего неолита Такое-2, а также раскопки поселений охотской культуры Озерск-1, Найбучи, Имчин-2, русского поселка Курилороссия на о-ве Уруп и др. Его вклад в археологию региона также определяется созданием собственной модели локального варианта охотской культуры, выделением южно-сахалинской неолитической культуры V - IV тыс. до н.э., разработкой модели имчинской культуры IV - I тыс. до н.э. и периодизации древних культур островного мира.

В середине 1970-х гг. в составе Южно-Сахалинского государственного педагогического института и Сахалинского областного краеведческого музея формируются две археологические лаборатории во главе с В.А. Голубевым и

В.О. Шубиным. Они стали центрами археологических исследований в Сахалинской области.

Важнейшими событиями 1970-х гг. в изучении каменного века стало исследование В.А. Голубевым, Р.С. Васильевским и Е.Л. Лавровым палеолитической стоянки Сокол, а также раскопки стоянок Имчин-1 и Одопту-3.

Крупным шагом вперед стало открытие Р.С. Васильевским, развившим идеи А.М. Золотарева, А.П. Окладникова и Р.В. Козыревой, имчинской неолитической культуры. По его мнению, имчинскому неолиту предшествовали докерамические комплексы, выделенные по материалам исследования стоянок Имчин- 1 и Такое-2. Понятие “докерамический” было взято из арсенала зарубежной археологии. Зарубежные ученые использовали его для того, чтобы заменить не признанное в Восточной Азии понятие “мезолит” . В отечественной литературе в 1970-1980-е гг. оба понятия: докерамический (вариант “бескерамический”) и “мезолит”, использовались одновременно.

Первую попытку периодизации позднего палеолита Сахалина предприняли Р.С. Васильевский и В.А. Голубев в монографии “Древние поселения на Сахалине. Сусуйская стоянка”. Авторы выделили 4 периода, которые по их мнению, соответствовали этапам развития индустрий позднего палеолита о.Хоккайдо. Так, период 1, древнейший (19-13 тыс. л. назад), представляла стоянка Сокол, второй - изделия группы А стоянки Такое 2 (13 тыс.л.назад), третий этап-стоянка Имчин 1 (12-11 тыс.л. назад), четвертый- изделия группы Б стоянки Такое 2 (11-8,5 тыс.л. назад). В 1982 г эта схема была уточнена в монографии “Культуры каменного века Северной Японии” на основе датировок, полученных по обсидиановым образцам со стоянок Сокол и Такое 2.

В основе этой схемы лежит типологическое разделение коллекций из подъемных сборов, из подъемных сборов из подъемных сборов со стоянок Сокол, Такое-2 и Имчин-1 и их сходство со стратифицированными материалами стоянок Хоккайдо: Хороказава 1, Сиратаки 30, Тачикарусюнай, Юбецу-Ичикава, из подъемных сборов на стоянке Такое 2.

Формированию концепции палеолита Сахалина способствовали успешные исследования на о-ве Хоккайдо. Большое влияние на советских археологов оказали идеи Бефу Харуми и Честера С. Чарда, Масаказу Ёсизаки, Ричарда Морлана, Чосуке Серизава, Шизуо Ода и Чарлза Килли об этапах и особенностях островного палеолита.

Результаты раскопок 1970-х гг. коренным образом изменили представления о древнем прошлом Сахалина. Начинается систематическое изучение каменного века на Сахалине, происходит смена исследовательской парадигмы, возникают условия для постановки новых задач островной археологии. Перелом в археологии Сахалина в 1970-х гг. произошел во многом благодаря энтузиазму и настойчивости В.А. Голубева, Р.С. Васильевского и В.О. Шубина, и поддержке и руководству со стороны ИИФФ СО РАН.

Этот период отмечен выходом в свет работ большого значения: монографий Р.С. Васильевского “Древние культуры Тихоокеанского Севера”, Р.С. Васильевского и В.А. Голубева “Древние поселения на Сахалине. Сусуйская стоянка”, кандидатских диссертаций: В.А. Голубева “Археология Курильских островов” и В.О. Шубина “Локальный вариант охотской культуры на о. Сахалине”. Во второй половине 1970-х - начале 1980-х гг. сибирскими и дальневосточными археологами была получена достаточно целостная картина развития археологических культур каменного века островного региона.

В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. в сахалинскую археологию приходит целая плеяда молодых ученых и краеведов, составившая первую островную школу археологов. В их числе Александр Семенович Колосовский, Сергей Вячеславович Горбунов, Ольга Алексеевна Шубина, Владимир Дмитриевич Федорчук, Игорь Анатольевич Самарин, Николай Владимирович Плотников и автор.

В 1974 - 1989 гг. проблемами каменного века Сахалина и Курил занимается сотрудник ИИФФ СО РАН Евгений Львович Лавров. В 1980 - 1981 гг. он участвовал вместе с Р.С. Васильевским и С.А. Гладышевым в археологических раскопках стоянки Сокол. В 1984 г. Е.Л. Лавров защищает кандидатскую диссертацию “Докерамический период о-ва Хоккайдо и сопредельных территорий”. В 1988 г. в соавторстве с В.А. Голубевым вышла в свет его монография "Сахалин в эпоху камня".

В 1970 - 1990 гг. наиболее стремительно и успешно развивались исследования эпохи неолита. Однако вплоть до начала 1980-х гг. остро стоял вопрос о неолите Южного Сахалина. В те годы о керамике Сони, открытой Кимура Синроку и Ито Нобуо в 1930-х гг., сахалинские ученые ничего не знали. Контакты с японскими коллегами еще не были налажены. Открытие поселения Садовники-2 С.В. Горбуновым и раскопки этого памятника В.О. Шубиным и О.А. Шубиной позволили выделить в рамках “развитого неолита” “неолитическую культуру на Южном Сахалине”.

В начале 1980-х гг. В.О.Шубиным и О.А.Шубиной разрабатывается целостная периодизация древнего прошлого Сахалина на основе данных радиохронологии, обосновываются этапы палеолита и неолита.

В течение 1980-х гг. открыто еще несколько памятников эпохи неолита на Южном Сахалине, на двух из них - Кузнецово-3 и Стародубское-3 проводились раскопки. На основании результатов типологического и трасологического анализов каменного инвентаря, проведенных В.А.

Голубевым и Н.А. Кононенко, исследования различных аспектов гончарства поселения Кузнецово-3 В.А. Голубевым и И.С. Жущиховской и с учетом дат, полученных для поселения Садовники-2, в 1980-е гг. коллективными усилиями сахалинских археологов была создана модель южно-сахалинской неолитической культуры V - IV тыс. до н.э.

Во второй половине 1980-х гг. одновременно были выделены еще две культуры позднего неолита: анивская и северо-сахалинская. Дальнейшие исследования, проведенные уже в 1990-е гг., показали, что эти культуры хронологически близки сусуйской и их следует относить к переходному периоду от каменного века к железному. К 2000 г. формируется концепция трех культур переходного времени от позднего неолита к раннему железному веку в контактной зоне между континентом и островным миром. В том числе, северо-сахалинской, анивской и сусуйской.

Во второй половине 1980-х гг. выдвигается концепция имчинской культуры охотников и рыболовов IV - I тыс. до н.э., родственной неолитическим культурам Амурского региона и прошедшей в своем развитии два этапа. Концепция подверглась критике, основанной на анализе опубликованных материалов раскопок и калибровки серий радиоуглеродных дат имчинской культуры, о чем подробнее сказано в главе 6 настоящей диссертации.

Изучение эпохи неолита на Сахалине в конце 1980-х и 1990-е годы сделало большой шаг вперед благодаря изучению таких многослойных памятников, как Стародубское- 3, Седых- 1, а также однослойных объектов Имчин 12, Поречье 4, Адо-Тымово-2 и т.д. В результате выделены этапы раннего, среднего и позднего неолита.

Несмотря на очевидные успехи дальневосточной археологии, вплоть до начала 1990-х гг. в отечественной науке господствовала концепция “пережиточного неолита”, согласно которой, в ряде районов Сибири и

Дальнего Востока России каменный век сохранялся вплоть до прихода русских первопроходцев в XVII в. Само это понятие изначально предполагало тупиковый характер развития обществ, населявших территории к северу от центров древней и средневековой металлургии. Такие представления оправдывали политику культурной ассимиляции в отношении народов, которые, по официальной идеологической доктрине, находились на уровне “переживания” каменного века, по сути “в первобытном обществе”, тогда как мир ушел далеко вперед по пути технического прогресса. “В то время как в материковой части юга Дальнего Востока СССР в I тыс. до н.э. развиваются культуры раннего железного века, археологические памятники Сахалина и Курильских островов имеют вполне неолитический облик”. Это положение основывалось на том, что на большинстве памятников эпохи средневековья и Нового времени, в том числе на айнских поселениях побережья Охотского моря от Сахалина до Камчатки, обнаруживали многочисленные каменные изделия предшествовавшего периода. Для нас очевидно, что на многослойных поселениях каменные изделия и неолитическая керамика попадают в средневековые жилища ввиду явных перекопов и нарушений культурной однородности вмещающих отложений. Совмещение в одних слоях комплексов разных эпох и культур - типичная черта памятников северных регионов. Она также объясняется медленным осадконакоплением и небольшой мощностью культурных слоев большинства археологических объектов.

Недостаточная изученность предмета и стратиграфическая путаница стали причиной живучести концепции “пережиточного неолита”. В 1990-х гг. в дальневосточной археологии на смену последней пришли концепции “палеометалла”, “раннего железного века” и “средневековья”.

В самом конце 1980-х гг. начинается сотрудничество сахалинских организаций с зарубежными научными учреждениями - музеями и университетами Японии и США. Многолетние программы исследований, их

интернациональный характер и постановка таких научных проблем, как “Происхождение и метаморфозы Охотской культуры”, “Средневековая история островного мира Сахалина и Северной Японии”, “Человек и природная среда голоцена на о.Сахалин” “Поздний палеолит Хоккайдо и Сахалина” - еще одна важная особенность современного этапа археологических исследований в Сахалинской области.

В 1990-е гг., археологам удалось открыть и исследовать более десятка памятников эпохи раннего неолита, а также нижнего и позднего палеолита.

Деятельность Лютожской палеолитической экспедиции Сахалинского государственного университета в 1992 - 1996 гг. кардинально изменила источниковедческую базу сахалинского палеолитоведения. В ходе исследования плейстоценовых террас на р. Лютоге участники экспедиции открывают серию поселений и стоянок эпохи позднего палеолита и переходного периода от палеолита к неолиту с сохранившимся культурным слоем. В результате раскопок многослойного поселения Огоньки-5 в 1994-1996 гг. впервые на Сахалине получен четко стратифицированный, детально документированный памятник позднего палеолита, обеспеченный серией абсолютных дат. Тем самым, получен достоверный источник позднего палеолита, сопоставимый с известными палеолитическими стоянками о-ва Хоккайдо. Это позволяет проводить корректные сравнения и обсуждать проблемы позднего палеолита не только в рамках острова, но и в масштабах всего островного региона.

Еще одним важным событием в изучении древнекаменного века Сахалина стало открытие в 1998 - 2000 гг. памятника нижнего палеолита-стоянки Сенная-1, которая датируется методом OSL в интервале 230 - 140 тыс. л. Определены этапы нижнего и позднего палеолита.

Поскольку настоящая работа посвящена каменному веку Сахалина, резонно уделить здесь особое внимание некоторым наиболее важным проблемам процесса его изучения на современном этапе.

4. Некоторые проблемы изучения каменного века о. Сахалин в конце XX - начале XXI вв.

4.1. Периодизация индустрий позднего палеолита Сахалина, разработанная В.А. Голубевым и Е.Л. Лавровым в конце 1980-х гг.

Расширенную схему развития палеолитических индустрий с выделением археологических культур позднего палеолита опубликовали В.А. Голубев и Е.Л. Лавров в монографии “Сахалин в эпоху камня”. В качестве самого раннего этапа (30-20 тыс.л.назад) выделена так называемая “адо-тымовская культура-модель, в основе которой лежит леваллуазская традиция обработки камня”. Второй этап позднего палеолита (Сокол 1, Такое А), традиционно соотносился с “поздней, а возможно и с ранней культурой сиратаки”, в его рамках выделялась ранняя южно-сахалинская культура с датировками 16-12,5 тыс.л.назад. Третий этап (Сокол 2, Такое В, Имчин 1) в рамках выделенной средней южно-сахалинской и имчинской культур датировался возрастом 12-10 тыс.л.назад. Четвертый этап – поздняя южно-сахалинская культура (Такое С, Одопту, Кадыланья), соответственно, датировался возрастом от 9 тыс.л.назад “до появления керамики”. Мнение о палеолитическом характере стоянки Такое 2 разделяли и другие археологи, в том числе, ее первооткрыватель В.О. Шубин .

Несмотря на кажущуюся стройность, периодизации 1970-х – 1980-х гг. характеризует априорность, которая объясняется отсутствием надежно стратифицированных источников эпохи палеолита и раннего неолита на Сахалине. В основе вышеописанной периодизации лежала прямая ошибка в оценке возраста галечной индустрии стоянок Адо-Тымово 1 и Имчин 2.

4.2. Проблема позднего палеолита с галечной традицией

К адо-тымовской культуре отнесены галечные орудия, собранные в карьере на неолитическом поселении Имчин-2 близ пгт.Ноглики на Северном Сахалине, а также несколько тысяч галечных орудий, собранных на пашне на окраине села Адо-Тымово в средней части острова. Первая оценка галечных орудий Сахалина, как типологически близких “изделиям донеолитических памятников Дальнего Востока и Сибири” появилась в монографии Р.С. Васильевского и В.А. Голубева. Но тогда же было сказано, что “на Амуре, в Забайкалье, в Монголии, на Ангаре галечная техника и галечные орудия сохраняются вплоть до начала неолита... Вполне возможно, что аналогичная ситуация была и на Сахалине”.

В 1979 г. с коллекцией с Адо-Тымовской стоянки ознакомился А.П. Окладников, который в устной дискуссии оценил индустрию стоянки как галечную и отнес ее к эпохе палеолита. В монографии “Сахалин в эпоху камня” В.А. Голубев и Е.Л. Лавров выделяют Адо-Тымовскую культуру возрастом 30- 20 тыс.л. Основой для ее выделения была “типологическая выразительность” находок галечных орудий на Адо-Тымово и Имчин 2. “Неясность геологической ситуации” и спорность вопроса о датировке этих предметов признавали многие исследователи, и в том числе, сами авторы публикации. В период со времени публикации книги до середины 1990-х гг. был высказан целый ряд критических замечаний, в которых высказаны сомнения по поводу столь древнего возраста адо-тымовских находок .

К настоящему времени накоплено достаточно много данных, которые не позволяют включать ни Адо-Тымовскую, ни имчинские стоянки в круг памятников позднего палеолита. Приведем наши аргументы. Во- первых, исследования памятников позднего палеолита на Сахалине показало, что ни один из них не размещается в пойме реки. Напротив, все палеолитические стоянки приурочены к высоким террасам, не менее 40 м над урезом реки. Все

палеолитические комплексы приурочены к слоям суглинка, глины, аллювия. Разрезы, выполненные В.А.Голубевым в 1989 г на стоянке показывают отложения, типичные для поймы, сформировавшейся в позднем голоцене: слои супесей, песков, легких иловатых суглинков. Во- вторых, в контрольном разрезе, выполненном, керамика и изделия довольно позднего облика обнаружены *in situ* в самых низах, ниже, так называемых “нуклеусов эпилеваллуазского облика”. В-третьих, в настоящее время, взгляды на памятники раннего периода позднего палеолита в Восточной Азии претерпели значительное изменение. В 1980-90-е гг. и в Японии, и на Сахалине были открыты памятники возрастом около 20 тыс.л. назад и старше, на которых широко представлена развитая техника пластин.

Наконец, анализ морфологии изделий из Адо- Тымово-1 и Имчин-2 показывает черты, которые указывают на несоответствие артефактов представлениям об инвентаре позднего палеолита: при ближайшем рассмотрении отмеченных нашими предшественниками следов эпилеваллуазского, и тем более, леваллуазского расщепления не обнаружено. Целью и продуктом этого расщепления были обычные отщепы, характерные для неолита и палеометалла всего Северного Сахалина. Все нуклеусы Адо- Тымово-1 и Имчин-2 многоплощадочные, точно такие же ядрища из того же красно- сургучного и вишневого кремня представлены на таких памятниках, как Имчин 1,2,12, Джимдан 2-3 и др.

На отмелях близ Адо-Тымовской стоянки отмечены большие скопления галек кремня, служивших исходным сырьем для собранных на пашне изделий. Стоянка, ввиду явного изобилия бракованного материала, колотых и брошенных галек, отщепов и малого количества готовых орудий может быть отнесена к типу мастерских. Наличие в слое скоплений материала, а также фрагментов остродонных сосудов, шлифованных орудий и хорошо сохранившихся раковин моллюсков наводит на предположение о значительно более позднем, по сравнению с опубликованным возрастом

стоянки в рамках дат северо-сахалинской и сусуйской культур. Именно такая дата- 2220 ± 35 лет (AA36440) и была получена С.В.Горбуновым в его раскопе на стоянке в 1999 г.

Таким образом, на нынешнем этапе изучения каменного века Сахалина выделение адо-тымовской культуры имеет уже в большей степени историографическое значение. Важно вынести главный урок из этой ситуации: использование только одного типологического метода без опоры на изучение разреза и данные смежных наук о плейстоцене не может служить основанием для идентификации единственной в своем роде стоянки как памятника эпохи палеолита. Второй, не менее важный урок- изделия, выполненные в галечной технике могут иметь обманчиво архаичный облик. И третий урок заключается в том, что при использовании типологического метода необходимо соблюдать всю процедуру верификации признаков датирующей индустрии от начала до конца.

4.3. Проблема южно-сахалинской палеолитической культуры

Выделение четырех культур-моделей: ранней, средней и поздней южно-сахалинской, а также имчинской докерамической было сделано во многом априори, о чем писали и сами авторы периодизации. В то время такой подход был оправдан рассеянными и малоинформативными источниками. Методические подходы, которые предусматривают использование хоккайдских типолого-хронологических схем в качестве эталона для оценки сахалинских материалов не вызывают никаких сомнений. Они актуальны и сейчас - многие позиции настоящей работы основываются на сходных методиках. В целом схема, выработанная В.А.Голубевым и Е.Л.Лавровым, сохраняется. Но границы и характеристики этапов позднего палеолита, сегодня уже трактуются иначе, чем ранее. Не выдержали проверку временем и датировки таких памятников как Адо-тымово и Имчин 2. Сегодня мы относим имеющиеся материалы стоянки Сокол к периоду 16-

9, а не 19-13 тыс. л. назад. Прошло 15 лет после последней крупной публикации, посвященной эпохе палеолита, открыты и изучены десятки памятников палеолита и неолита, как на Сахалине, так и на о.Хоккайдо, возникли новые представления об их периодизации и культурно-хронологической интерпретации. Сохранение выделенных априори культур-моделей, равно как и модели позднего палеолита с галечной традицией в настоящее время вряд ли оправдано.

Все это заставляет нас проводить ревизию и уточнять содержание выработанных ранее периодизаций, которые и предпринимаются в соответствующих главах настоящей работы.

Таким образом, все сказанное выше позволяет высказать ряд выводов.

1. В ходе первоначального этапа археологических исследований на Сахалине (1860-е - 1920-е гг.) российскими и японскими археологами были собраны коллекции, проведены первые раскопки, опубликованы данные об археологии острова и составлены первые археологические карты. Обследовано несколько десятков памятников археологии. Создана археологическая экспозиция в музее г. Александровска-Сахалинского.

2. На протяжении второго этапа (1930-е - 1960-е гг.) шло параллельное изучение археологии Северного и Южного Сахалина советскими краеведами и учеными и краеведами из Японии. Публикуются первые обобщающие труды. Выделены: айнская, охотская, а также неолитическая культура на Северном и Южном Сахалине. Формируются музейные экспозиции и крупный коллекционный фонд в Сахалинском областном краеведческом музее. Защищена первая кандидатская диссертация по археологии Сахалина. Обследовано несколько сот памятников археологии на Сахалине и Курилах.

3. В результате открытия в 1964 - 1965 гг. микропластинчатого комплекса Имчин-1 была пересмотрена прежняя концепция первоначального заселения Сахалина человеком в пользу значительного удревнения этого процесса. Открытие столь древней стоянки дало импульс поиску на острове памятников индустрии пластин в следующем десятилетии - в 70-е гг. XX века.

4. Современный этап (1970-е - 2000-е гг.) характеризуется комплексным подходом к изучению памятников археологии и интернационализацией исследований. Формируется региональная школа археологов, создаются региональные археологические учреждения, а также экспозиции по археологии в районных музеях области. По археологии Сахалина и Курил защищено четыре кандидатских диссертации. Материалы сахалинской и курильской археологии использованы, как вспомогательные при написании еще двух диссертаций, в том числе, одной докторской и одной кандидатской. Публикуются десятки статей, книг, и две обобщающие монографии. Выделено шесть археологических культур эпохи камня и раннего железа. В том числе, имчинская, южно-сахалинская (Сони), седыхинская, северо-сахалинская, анивская, сусуйская.

5. Переломным событием в изучении каменного века на острове Сахалин стало исследование в 1990-е гг. стратифицированных многослойных памятников эпохи палеолита, в том числе, поселения Огоньки 5 и стоянки Сенная 1, описанных в настоящей диссертации. Изменение источниковедческой ситуации в конце 1990-х- начале 2000-х гг. привело к пересмотру утвердившейся в 1980-е гг. концепции палеолитических культур-моделей и позднего палеолита с галечной традицией.

6. На современном этапе развития островной археологии археологами на основе анализа полученных новейших материалов определены этапы нижнего и позднего палеолита, а также раннего,

среднего и позднего неолита; разрабатываются варианты целостных периодизаций древнего прошлого островного региона - от верхнего палеолита до эпохи средневековья. Известно более тысячи памятников археологии.